

⁸ Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 1. Л., 1974, с. 144.

⁹ См.: Веккер Л. М. Указ. соч., гл. 4—5.

¹⁰ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. A, 124 (перевод мой. — В. Ш.).

¹¹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. B, 180 (ср.: 3, 223).

¹² Маркс К. Философско-экономические рукописи 1844 года. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 124.

¹³ См. например: Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 2. Л., 1976, гл. 3; ср.: Прибрам К. Языки мозга. М., 1975 и др.

¹⁴ См.: Бранский В. П. Философское значение проблемы наглядности в современной физике. Л., 1962; Зуев К. А. Значение наглядных представлений в становлении физических теорий. — Философские науки, 1971, № 2; Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971; Его же. Проблема возникновения нового знания. М., 1976 и др.

Шт. ДИТЦШ (St. DITZSCH)

КАНТОВСКИЙ ПАРАДОКС ЯКОБИ

«Если бы Кант был прав, мы были бы неправы, но так как это невозможно, ибо нас много и мы такие умные, образованные и принципиальные, то совершенно очевидно, что неправ Кант, что и требовалось доказать».

(Г. К. Лихтенберг Г. А. Бюргеру, 1787)

Фридрих Генрих Якоби — пожалуй, один из наиболее влиятельных критиков немецкой культуры революционной эпохи. Якоби всегда отличался умением находить точные формулировки, и для нас по сей день остаются важными его гениальные ...ошибочные суждения.

Напоминаем: высказав свое меткое, теоретически, впрочем, незначительное и идеологически компрометирующее мнение о Лессинге, он развязал так называемый спор о пантеизме в середине 80-х годов XVIII века. В конце века он сделал общим достоянием обвинение в нигилизме по адресу популярной в то время школы трансцендентальной философии (в открытом письме к Фихте в 1799 году) — это понятие изобрел не Якоби, ранее его уже использовал Оберайт, однако Якоби придает ему его интеллектуально-практическую направленность. Наконец, между 1803 и 1810 гг. Якоби и его единомышленники атакуют мнимо очевидные атеистические последствия новой натурфилософии, пока Шеллинг в 1812 году не одержал над ними свою известную пиррову победу.

Но наибольшее впечатление производит его точно сформулированный парадокс о Канте — я считаю это самым острым, что было сказано когда-либо немцами по поводу кантовской философии. В 1787 году Якоби опубликовал книгу «Давид Юм о вере, или идеализм и реализм». В приложении к этой книге («О трансцендентальном идеализме», с. 209—230) он пишет о «Критике чистого разума» Канта. С обычной своей уверенно-

стью он обнаружил мнимо «большую» точку кантовской системы, а именно, проблему аффицирующих предметов. Якоби жаловался, что «постоянно оказывается сбит с толку, поскольку без этого предположения [об аффицирующем предмете] в систему невозможно войти, а с ним (курсив наш — Шт. Д.) в ней невозможно оставаться»¹.

Это замечание Якоби оказало на публику освободительное влияние; в основном труде Канта была, наконец, найдена неувязка, которую ранее никак не удавалось уловить. Казалось, подтвердились предположения первых рецензентов («Геттингенше анцайген» от января 1782 года и «Альгемейне дойче библиотек» от 1783) о том, что Кант не создал совершенно ничего нового, в лучшем случае подражание берклианскому идеализму. По поводу этого высказывания многочисленные противники Канта, такие, как влиятельный Энезидем, Эбергард, Гарве, Вайсхаупт и другие, ликовали.

Но прежде всего Якоби внес смятение в ряды последователей Канта. Теперь усилия друзей кантовской философии объединились для того, чтобы осмыслить ее свободной от противоречий, от любых кажущихся скандальных противоречий с самой собой. Обоснования кантовской теории, предпринятые Рейнгольдом, Маймоном, Бэком, а также Фихте, нацелены на устранение проблематики независимых от субъекта аффицирующих вещей. Решающую, даже организующую роль это сыграло в формировании немецкого неокантианства Либманом и Ланге и в школе Когена. Здесь исходное новое обоснование трансцендентальной философии — познавательная субъект-объектная диалектическая концепция — было сведено к чистой логике науки. Идея о растворении трансцендентного по отношению к субъекту предмета в процессе познания, утверждаемая школой Когена, не только явилась сомнительной и дискуссионной интерпретацией, но и привела к фальсификации Канта в издательской практике. Это становится очевидным, если заглянуть в третий том академического издания Канта: Бенно Эрдман, который готовил к этому изданию «Критику чистого разума»*, внес поправку, противоречащую первоначальной кантовской мысли. В основном тексте издания поправка была оставлена, а первоначально сказанное Кантом исчезло среди разночтений.

* * *

Язвительный выпад Якоби по поводу роли предметной, независимой от субъекта вещи в кантовской концепции познания поставил для самого Канта под сомнение результат упорных

* Речь идет о с. 70 второго издания «Критики чистого разума» (прим. ред).

усилий, предпринятых им для нового обоснования научной теоретико-познавательной философской системы. Несмотря на образцовую аргументацию, Канту так и не удалось преуспеть в защите своего нового философского подхода. Здесь ему не помогли ни «Пролегомены» (1787), ни содержащие критику идеализма дополнения ко второму изданию «Критики чистого разума», ни полемика с Эбергардом. Недоверие распространилось не только в среде философов мелкого масштаба — даже такой человек, как Сигизмунд Бэк, в начале 90-х годов разделял его, сообщая о новых невероятных интерпретациях критицизма².

Здесь мы сталкиваемся, однако, не с «гнилым пятном кантовского критицизма»³, а со слабостью того, что Кант назвал бы «гнилой философией»⁴. Упрек этой философии Канту, высказанный, в частности, Якоби, заключается в том, что будто бы «трансцендентальный идеализм полагает *всеобъемлющую* и *абсолютную* непознаваемость мира»⁵, в чем мы находим тот же принцип, «на котором основывал свой идеализм Беркли»⁶.

Различая вещь и явление, Кант как раз не изображал вещь как принадлежность потустороннего «истинно реального» мира, который не имеет ничего общего с миром явлений. При таком подходе кантовская философия выдавалась за разновидность философии сознания (наподобие феноменологии Гуссерля или Беркли), — *достижения* Канта, в особенности идея *познавательного синтеза* и *двойственная теория опыта*, не могли быть оценены в их значении для *материалистической* философии. Явление, метафизически оторванное от вещи, превращалось в проблему иллюзии и иллюзорную проблему.

Напротив, для теории познания Канта, поскольку она была призвана сыграть революционную роль в мышлении, важна конститутивная проблема *аффицирования благодаря вещи самой по себе*.

Явления, следовательно, имеют отношение к вещам; благодаря явлениям (каким же еще способом?) должно быть возможно познание закона вещей — конечно, не всех мыслимых вещей, а тех, которые вовлечены в поле опыта.

При более пристальном рассмотрении употребления Кантом термина «вещь» можно убедиться в том, что непонимание со стороны современников не имело под собой никаких оснований, по крайней мере теоретических.

Речь идет не столько о «вещи самой по себе», синонимическим названием которой была бы «противоположность явления», а об указываемой Кантом *двойной природе вещи*: во-первых, в формулировке Фихте, она может «рассматриваться как вещь сама по себе, независимая от субъекта»⁷, при этом она выступает не как явление (не путать с «противоположностью явления!»), с чем я ничего не могу поделать, во-вторых, *те же*

самые вещи могут быть «представлены как являющиеся, поскольку имеются наделенные чувствами существа»⁸.

Если усомниться в том, что явления связаны с вещами, «отсюда должен последовать бессмысленный вывод: в явлении отсутствует то, что является»⁹.

Кант отделяет вещи от явлений соответственно их различным функциям в *процессе познания*, но указывает на *онтологическую идентичность* тех и других. Объект, говорит Кант, «может быть понят в двояком *значении*... а именно, как *явление* или как *вещь сама по себе*»¹⁰. Кант делает, следовательно, «различие между вещами как предметами опыта и теми же самыми вещами, взятыми в качестве самих по себе»¹¹, нисколько не устанавливая метафизического разрыва между ними в материальном субстрате. Позже, в «Opus postumum» Кант подчеркивает: «Различие между так называемым предметом самим по себе и предметом являющимся... не означает, что действительная вещь противостоит чувственному предмету»¹². Когда на материале явлений реализуется познавательный процесс, полученный результат познания приводит к более глубокому проникновению в реальность вещей, а не к простому умножению наших знаний о видимости.

В «Пролегоменах» Кант утверждает, что явления могут быть осмыслены как опыты и тем самым образуют способное бесконечно расширяться поле человеческого познания. Поскольку предубежденным современникам «Критики чистого разума» оказалась непонятна именно эта связь с вещами, сформулированная Кантом для теории познания, то естественно, что им остались тем более неведомы плодотворные достижения Канта, состоящие в глубоком проникновении во взаимодействие совокупности объектов действительности с познающим разумом, то есть в проблеме аффицирования и теории познавательного схематизма.

Дальнейшая разработка этих проблем знаменует собой начало процесса дифференциации в немецкой философии после Канта, в ходе которой новая концепция научной философии приводит к выработке *диалектического мышления*, то есть того, что мы называем классической немецкой буржуазной философией, от которой отличается школьная философия, интересующаяся, по преимуществу, методологическими проблемами и вступившая уже в то время, в 1800 году, в ожесточенную полемику с диалектической философией в лице, в первую очередь, Шеллинга и Гегеля.

Перевод с немецкого О. А. ГУЛЫГИ.

¹ Jacobi F. H. David Hume über den Glauben oder Idealismus und Realismus. Breslau, 1787, S. 228f.

² Ср. письмо Я. С. Бэка Канту от 10.11.1792 и письмо Канта Б. С. Бэку от 4.12.1792.

³ Nietzsche F. Werke in drei Bänden. Hg. K. Schlechta. München, 1977, Bd. 3, S. 863; также в «Menschliches, Allzumenschliches» (1866) он пишет, что «вещь сама по себе достойна гомерического хохота, казалось, что она вмещает так много, даже почти все, а оказалось, что это нечто пустое, лишенное смысла» (там же, Bd. I, S. 459).

⁴ Kant I. Gesammelte Schriften. Hrsg. von der Pr. Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1902, Bd. 18, Refl. Nr. 4963.

⁵ Jacobi F. H. Op. cit., S. 230.

⁶ Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen, Zugabe Bd. 1 für 1782, 3 St., 19. I. 1782, S. 41.

⁷ Fichte J. G. Gesamtausgabe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Hg. R. Lauth und H. Jacob, Stuttgart — Bad Cannstatt, 1966, Bd. 1, 3, S. 207.

⁸ Kant I. Reflexionen zur «Kritik der reinen Vernunft». Hg. B. Erdmann. Leipzig, 1884, Nr. 989.

⁹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft, B. XXVII.

¹⁰ Там же (курсив мой. — Шт. Д.).

¹¹ Там же. Также в письме к Х. Гарве, одному из рецензентов «Критики чистого разума», от 7 августа 1783 г. Кант указывает на, как он говорит, «ключ» к ее пониманию: «Он — в том, что обо всех окружающих нас предметах можно составить двойное понятие: с одной стороны — как о явлениях, с другой — как о вещах самих по себе». (Kant I. Werke. Hg. E. Cassirer. Berlin, 1918, B. 9, S. 228.)

¹² Kant I. Gesammelte Schriften. Bd. 22, S. 24.

К. К. ЛАВРИНОВИЧ

КОСМОГОНИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА И КАНТА — СУЩНОСТЬ И МЕТОДОЛОГИЯ

Кантовская философская мысль, как бы повторяя в своем развитии исторический путь познающего разума, прежде, чем обратиться к проблемам человеческого духа, поставила и попыталась разрешить вопрос о происхождении окружающего мира. Действительно, фундаментальным философским трудам Канта, снискавшим ему славу великого мыслителя, предшествовали сочинения естественнонаучного характера. Среди них центральное место принадлежит изданной в 1755 г. в Кёнигсберге книге «Всеобщая естественная история и теория неба». В этом главном труде «докритического периода» Кант излагает свою гипотезу о происхождении Солнечной системы.

К середине XVIII века образовалось известное несоответствие между уровнем естественнонаучных знаний и представлениями о возникновении и истории Солнца и планет.

Система мира Коперника и законы Кеплера, механика Ньютона, данные астрономии о важнейших особенностях строения Солнечной системы составляли достояние естествознания того времени. А космогонической теории, которая бы имела прочные основания в этом обширном естественнонаучном материале, в то время не существовало.

В самом деле, популярная в европейских университетах во второй половине XVII столетия «теория вихрей» Р. Декарта ока-